

В.А. КВАШНИН. Война, право и финансы в Древнем Риме. Римская civitas и вызовы Ганнибаловой войны. Вологда: изд-во ВГПУ, 2012. 163 с.

В.А. Квашнину принадлежит цикл монографий, объединенных общей темой – феноменом древнеримского законодательства о роскоши, последовательно рассматриваемым под различными углами зрения. Этой же проблеме посвящена его новая монография, в которой автор возвращается к первым *leges sumptuariae*, принятым в очень непростой для Рима период Второй Пунической войны¹. Книга состоит из введения, двух глав, разделенных на десять очерков, и заключения. Во введении автор обосновывает актуальность изучаемых в работе исторических проблем. В.А. Квашнин справедливо отмечает, «что законы о роскоши не являются феноменом, “работающим” только в условиях доиндустриального типа цивилизации» (с. 6). Их значение велико и в новейшее время, что подтверждается недавней дискуссией о введении повышенных налогов на дорогие автомобили и недвижимость в России (с. 7). Он определяет основные функции сумптуарного законодательства в Риме, а также характеризует развитие данного правового феномена в последующие эпохи. По его мнению, наиболее важными функциями законов против роскоши являлись социальная, идеологическая, политическая и экономическая (с. 4–5).

В первой главе рассматриваются законы против роскоши, принятые во время Ганнибаловой войны. В их числе автор называет следующие: *lex Metilia*, *lex Oppia de sumptu*, *lex Publicia de cereis* и *lex Cincia de donis et muneribus*. Каждый из них исследуется в рамках отдельного очерка, а завершает главу обстоятельный анализ социально-экономических и политических предпосылок для развития сумптуарного законодательства в условиях Второй Пунической войны.

В первом очерке В.А. Квашнин обращается к проблемам датировки, содержания и социальной направленности *lex Metilia*. Он поддерживает мнение, согласно которому *lex Metilia* являлся одним из первых законов против роскоши. Решая проблему авторства и датировки этого закона, Квашнин приводит дополнительные аргументы в пользу того, что *lex Metilia* был принят в 217 г. (здесь и далее – до н.э.) по инициативе плебейского трибуна М. Метилия (с. 27). Он резонно сомневается в достоверности рассказа Ливия о том, будто еще в 432 г. был принят подобный закон, регламентирующий расходы граждан на отделку и окрашивание одежды (с. 23–27). Несомненно, в данном случае речь идет о дубликации, которая нередко встречается на страницах «*Ab urbe condita*».

Во втором очерке рассматриваются сведения античных источников о законе Оппия, который был принят в 215 г. В современной историографии его принадлежность к *leges sumptuariae* не вызывает особых сомнений (с. 29). Значительное внимание Квашнин уделяет новым подходам к решению научных проблем, связанных с законом Оппия. Так, он критикует работы исследователей, принадлежащих к направлению, которое обозначается как «феминистское»: приводимая ими аргументация грешит явными натяжками (с. 32–35)². Квашнин подчеркивает, что представители данного направления сильно преувеличивают масштаб «ухода мужской части из внутренней жизни римской общины» в период Ганнибаловой войны: «Порой складывается впечатление, что вызванное войной отсутствие мужчин в самом Риме имело чуть ли не абсолютный характер» (с. 34). Приведенные автором выкладки создают совершенно иную гендерную и демографическую картину жизни римской *civitas* в годы войны.

Lex Oppia был подготовлен плебейским трибуном Г. Опнием. Квашнин разделяет мнение тех, кто видит в Оппии своего рода «техническую» фигуру, не имевшую большого политического значения (с. 37–38). В вопросе датировки он разделяет общепринятую точку зрения и относит принятие закона к 215 г. (с. 38–39). В пользу такого решения свидетельствует рассказ Ливия об отмене *lex Oppia*, которая имела место в 195 г., ведь римский историк недвусмысленно сообщает, что этот закон был отменен спустя 20 лет после его принятия.

Немаловажное значение Квашнин придает реконструкции содержания *lex Oppia*. Согласно источникам, один из его пунктов предусматривал ограничения на владение золотыми изделиями. Исследователь полагает, что в данном случае действие закона Оппия не ограничивалось введением имущественного максимума. На его основании производилось также изъятие той части имущества, которая выходила за пределы обозначенной в законе нормы (с. 45). В другом пункте *lex Oppia* вводился запрет на ношение одежды, окрашенной пурпуром, а в третьем – на использование женщинами повозок в пределах Города (с. 47). При реконструкции последнего пункта автор обращается к проблеме

¹ Квашнин 2006а; 2006b; 2009.

² В частности, автор совершенно оправданно отвергает реконструкцию К. Херманн, согласно которой принятие и отмена закона Оппия являлись своего рода этапами в борьбе римских женщин за предоставление им полного комплекса гражданских прав (с. 32).

распространения римских законов на италийские общины. Квашнин считает, что после принятия *lex Didia* их действие распространялось и на союзников (с. 51). Однако широко известный пассаж из «Сатурналий» Макробия³, который обычно рассматривается как свидетельство в пользу данной гипотезы, нельзя трактовать столь однозначно. Г. Гальштерер, например, придерживается мнения, что речь в законе Дидия идет о жителях римских *fora et conciliabula*, т.е. о *cives Romani*⁴. Противопоставление *Italicis* – *cives urbanei*, которое мы находим в указанном пассаже Макробия, представляется достаточным основанием для подобного предположения.

В третьем очерке Квашнин рассматривает содержание следующего в хронологическом порядке закона против роскоши – *lex Publicia de cereis*. Согласно Макробию (*Sat. I. 7. 33*), который является единственным источником по закону Публиция, новый *lex sumptuaria* имел своей целью защитить клиентов от непомерных запросов со стороны их патронов, требовавших к празднику Сатурналий богатых подношений. Автор закона не запретил эти подношения, разрешив дарить лишь восковые свечи. Квашнин поддерживает точку зрения, согласно которой рассматриваемый в данном очерке закон был внесен в народное собрание плебейским трибуном Г. Публицием Бибулом, и считает, что на сегодняшний день нет весомых оснований для пересмотра традиционной датировки *lex Publicia* 209 г. (с. 55).

Социальное значение и направленность закона Публиция вызвали оживленную дискуссию в историографии. Данное обстоятельство находит отражение в политической характеристике плебейского трибуна Г. Публиция Бибула. По мнению Квашнина, наиболее обоснованной представляется точка зрения Э. Балтруша, который полагает, что подготовка *lex Publicia* осуществлялась при поддержке влиятельных сенаторов. В источниках отсутствуют какие-либо указания на общую антисенатскую направленность политики Публиция, что не позволяет видеть в плебейском трибуне 209 г. «идейного» борца против римской знати (с. 57).

Ценностно-идеологическое наполнение закона Публиция, полагает автор, определялось прежде всего потребностями военного времени и необходимостью консолидации гражданской общины перед лицом военной угрозы. Несмотря на то, что содержание этого закона при иных условиях непременно вызвало бы недовольствие римской элиты, источники не сообщают о протестах с ее стороны. Это обуславливалось главным образом тем обстоятельством, что *lex Publicia* не являлся конъюнктурной мерой. «В этом смысле ЗП не был направлен на лоббирование интересов определенной социальной группы (к примеру, городского или сельского плебса), его значение куда шире – он укреплял внутреннюю целостность римской *civitas*, снижая остроту противостояния в ней бедности и богатства» (с. 61).

Политика римской элиты, направленная на сглаживание социальных противоречий и консолидацию гражданской общины в условиях Ганнибаловой войны, находит отражение и в следующем *lex sumptuaria*, а именно – *lex Cincia de donis et muneribus* (ему посвящен четвертый очерк). В данном случае наука располагает более содержательной по сравнению с другими законами против роскоши, изданными во время Второй Пунической войны, источниковой базой. Фрагменты закона Цинция сохранились в трудах римских юристов эпохи Империи. Помимо этого, *lex Cincia de donis et muneribus* неоднократно упоминается в произведениях авторов республиканского времени, прежде всего Цицерона. Датировка закона Цинция не вызывает споров, поскольку Цицерон однозначно указывает на время его принятия – консульство П. Семпрония Тудитана и М. Корнелия Цетега, т.е. 204 г. В вопросе об авторстве мнения многих исследователей также совпадают: *lex Cincia de donis et muneribus* был подготовлен и внесен на рассмотрение народного собрания плебейским трибуном М. Цинцием Алиментом (с. 63).

Содержание закона Квашнин раскрывает при помощи критического анализа некоторых современных реконструкций. Он приводит весомые доводы против интерпретации Э. Балтруша, который утверждает, что античные источники не относят *lex Cincia* к числу *leges sumptuariae*. В частности, автор указывает на речь Катона Цензора, передаваемую Ливием, где закон Цинция упоминается в контексте отмены другого *lex sumptuaria* – *lex Oppia de sumptu* (с. 72). Квашнин поддерживает точку зрения Ф. Казаволы, согласно которой действие рассматриваемого закона было направлено на предотвращение вымогательства со стороны влиятельных патронов (с. 66). *Lex Cincia* регулировал размер даров для патронов и запрещал всякого рода подношения за оказание клиентам юридических услуг. В конце очерка историк определяет основные задачи, которые преследовал законодатель при подготовке данной меры. Таковыми являлись сохранение социальной стабильности, а также защита

³ *Macrob. Sat. III. 17. 6: Fanniam legem post annos decem et octo lex Didia consecuta est. Eius ferundae duplex causa fuit, prima et potissima ut universa Italia, non sola Urbs, lege sumptuaria teneretur, Italicis existimantibus Fanniam legem non in se sed in solos urbanos cives esse conscriptam.*

⁴ Galsterer 1976, 37–40.

финансовых ресурсов римской общины на уровне фамилии (с. 74). Эти задачи были актуальны и для остальных *leges sumptuariae*, что позволяет рассматривать их как единое целое, как одно из важнейших направлений в государственной политике, нацеленной на обеспечение конечного успеха в войне против Ганнибала.

В пятом очерке, завершающем I главу, Квашнин выявляет и характеризует социально-экономические и политические тенденции, которые оказывали влияние на развитие сумптуарного законодательства в рассматриваемый период времени. Он считает, что *lex Claudia* 218 г., *lex Metilia fullonibus dicta* и *lex Oppia* de sumptu образуют единый по своей направленности цикл законов, призванный создать условия для наиболее эффективного контроля над материальными ресурсами римского государства. Автор обращает внимание на то, что вышеупомянутые законы «были изданы в форме плебисцита, а законодательная инициатива исходила от плебейских трибунов» (с. 75). По его мнению, повышение активности плебейских собраний и трибунов являлось общей тенденцией периода Ганнибаловой войны. В подтверждение своей точки зрения Квашнин приводит некоторые статистические данные, которые действительно свидетельствуют в пользу предлагаемой им интерпретации сведений источников (с. 76). Тяжелые поражения первых лет войны отразились на положении всех слоев римского общества, но в наибольшей степени, конечно, на тех из них, что в социальном отношении являлись наименее защищенными. Возросшая нагрузка на производящие группы населения могла стать причиной повышения их социальной активности⁵. Подобное объяснение ситуации представляется вполне логичным, хотя, на мой взгляд, повышение роли плебейских собраний и трибунов во время Ганнибаловой войны могло быть обусловлено и иными обстоятельствами. Консулы и преторы, которые в мирное время принимали не менее активное участие в законотворчестве, имели также обязанности иного рода – командовали армиями, ведали снабжением, проводили воинский набор. После появления Ганнибала на территории Италии они были вынуждены сконцентрироваться на ведении боевых действий, тогда как плебейские трибуны оставались в Риме и выполняли свои обычные функции, причем отсутствие высших магистратов неизбежно приводило к повышению их законотворческой активности.

Немаловажное значение Квашнин придает изучению роли отдельных политических деятелей и группировок при подготовке и принятии законов против роскоши. По его мнению, *lex Metilia fullonibus dicta* был подготовлен группой римских политиков, сформировавшейся вокруг Г. Фламиния, чья деятельность, как известно, носила ярко выраженный демократический характер (с. 77). Однако поражения Г. Фламиния и Г. Теренция Варрона отрицательно повлияли на отношение гражданского коллектива к такой политике, после чего инициатива перешла в руки сената (с. 78). Следующий закон против роскоши, *lex Oppia de sumptu*, был принят в 215 г., причем на основании законопроекта, разработанного при поддержке такого видного представителя нобилитета, как Кв. Фабий Максим. Интересно, что *leges sumptuariae* не встречают какого-либо противодействия со стороны римской знати. Более того, некоторые влиятельные сенаторы оказали содействие инициаторам мероприятий, призванных ввести ограничения на потребление предметов роскоши (с. 79). Это явно указывает на то, что римское общество сплотилось перед лицом врага, забыв на время об имущественных и клановых противоречиях.

Во II главе Квашнин рассматривает «неизвестные» законы против роскоши. Автор изучает правовые акты, направленные на консолидацию необходимых для ведения боевых действий против Ганнибала материальных ресурсов. В основе финансовой политики того времени лежат экстраординарные методы организации, в связи с чем первостепенное значение приобретает исследование государственных и общественных механизмов, позволявших в кратчайшее время мобилизовать необходимые для обеспечения потребностей римской армии средства.

В годы Второй Пунической войны государство неоднократно обращается к практике внутренних займов, причем в самых различных его видах. Помимо этого, сенат использует греческий опыт литургий (таких, к примеру, как триерархия), когда в 214 г. возлагает на наиболее обеспеченные римские семьи обязанности по снаряжению флота (с. 92–104). Таким образом, финансовая нагрузка была перенесена на имущие слои общества, что стало характерным явлением для данного периода.

Из числа мероприятий, рассматриваемых в рамках I главы, наиболее «загадочным» представляется цензура 214 г. Ливий достаточно подробно останавливается на деятельности М. Атилия Регула и П. Фурия Фила. Впрочем, смерть последнего (XXIV. 43. 4) не позволила провести обряд люстра, без которого результаты ценза считались недействительными. В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос о легитимности мероприятий, предпринятых во время данной цензуры. К сожалению, в рецензируемой работе мы не находим прямого ответа на этот вопрос. Автор подробно оста-

⁵ «Законотворческий бум и возросшая активность плебейских собраний со всей определенностью указывают на важность законотворчества для жизни римской общины и прежде всего рядовых граждан» (с. 76).

навливается на судьбе М. Цецилия Метелла и других римских нобилей, которые после поражения при Каннах, разуверившись в успехе войны против Ганнибала, намеревались покинуть территорию Италии и поступить на службу к какому-нибудь иноземному правителю. В ходе ценза 214 г. они понесли наказание за проявленное малодушие в виде лишения общественных коней, исключения из своих триб и перевода в эрарии. Согласно Ливию, во время следующей переписи 209/208 гг. они были наказаны повторно (XXVII. 11. 12–13). Квашнин полагает, что Ливий, не сумев найти достаточно сведений о цензе 209/208 гг., вполне мог перенести часть событий, происшедших в 214 г. (с. 109), на более позднее время. Но если все мероприятия цензоров 214 г. были отменены, то «повторное» наказание М. Цецилия Метелла и его сообщников не кажется таким уж нелогичным. Не исключено, что они понесли наказание только во время ценза 209/208 гг.

По мнению Квашнина, основной задачей, которой руководствовались римские власти при проведении ценза 214 г., было пополнение казны (с. 105). Он не исключает умышленного затягивания процедуры переписи, так как использование данных предвоенного ценза позволило бы властям рассчитывать на более значительные поступления от трибута (с. 116). Хотя это предположение не находит прямого подтверждения в источниках, присутствие подобного рода расчета в действиях сената исключить нельзя.

В третьем очерке II главы автор рассматривает положение такой юридической категории, как вдовы и сироты, а кроме того, происхождение и назначение *aes hordearium* («ячменного налога»). Квашнин активно привлекает материалы из ранней истории Рима, что позволяет яснее представить развитие и значение *aes hordearium* как формы налогообложения на протяжении всего республиканского периода. Он считает, что цензоры 214 г. возродили «ячменный налог» (с. 125). Данная мера была обусловлена прежде всего нехваткой денежных ресурсов, которые требовались для обеспечения всем необходимым римской армии, сражавшейся против Ганнибала.

Доводы автора в пользу предлагаемой им реконструкции представляются достаточно убедительными. Действительно, его трактовка сообщения Ливия вполне соотносится с тем, что мы знаем об общей направленности политики М. Атилия Регула и П. Фурия Фила. Кроме того, римские вдовы и сироты, как показывают данные статистики, обладали весьма значительными финансовыми возможностями, а потому обращение государства к ним за помощью было вполне оправданным (с. 122, 124–125).

В следующем очерке автор обращается к взаимоотношениям центральной власти и финансовых кругов Рима, представленных товариществами откупщиков. Квашнин считает, что «Ливий более или менее адекватно передает реалии мира римских откупщиков, по крайней мере II в. до н.э.» (с. 145–146). Данный вывод основывается на сравнительном анализе сообщений Полибия и Ливия, в которых содержатся важные сведения о структуре *societates publicanorum*, а также об их роли в экономической жизни римской общины. Товарищества откупщиков располагали значительными финансовыми ресурсами уже во время Ганнибаловой войны, что подтверждается их активным участием в снабжении римской армии (с. 146–147). По мнению автора, важнейшей задачей сената при выстраивании отношений с римской деловой элитой было «в условиях острейшего дефицита бюджета попытаться использовать значительные средства, имевшиеся в распоряжении сообщества публиканов, при этом одновременно стремясь держать его под достаточно жестким контролем и не оттолкнуть от сотрудничества с государством» (с. 147).

Далее Квашнин обращается к событиям 210 г. В тот год сенат был вынужден вновь обратиться к гражданам по поводу займа для снаряжения флота. Автор не без оснований полагает, что при подготовке нового эдикта консулы М. Клавдий Марцелл и М. Валерий Левин использовали постановление 214 г. (с. 147). Римские граждане восприняли обращение властей без особого энтузиазма, а необходимые средства консулы получили лишь после того, как М. Валерий Левин предложил коллегам-сенаторам передать на нужды государства все имевшиеся в их распоряжении деньги.

Квашнин, к сожалению, не упоминает о том, что впоследствии кредиторы настояли на гарантиях, причем условия соглашения были для них настолько выгодными, что они фактически отказались от своих финансовых претензий. В 204 г. при непосредственном участии М. Валерия Левина стороны договорились о «реструктуризации» долга, который теперь должен был выплачиваться тремя частями. Когда пришел черед второго платежа, в казне не оказалось достаточной суммы. Тогда кредиторы получили во владение участки *ager publicus*, после чего был образован земельный фонд *ager in trientabulis* (Liv. XXXI. 13. 5–9). *Possessores* могли вернуть свои деньги при условии возвращения этих участков. Впрочем, в античных источниках не сохранилось сведений о прецедентах подобного рода⁶.

⁶ Пользование ресурсами фонда *ager in trientabulis* было сопряжено с внесением в римскую казну особого сбора. См. об этой проблеме: Cardinali 1965, 122; Roselaar 2010, 127–128; об *ager in trientabulis* в *lex agraria* 111 г.: CIL. P. 585. 31–32; Crawford 1996, 116–117.

В заключение автор предлагает свое видение развития сумптуарного законодательства во время Второй Пунической войны. Он выделяет *leges sumptuariae* данного периода в отдельную группу, которая получает условное обозначение «военные законы» (с. 160). Это решение связано прежде всего с тем, что их принятие было обусловлено потребностями военного времени, требовавшего сплочения гражданского коллектива и консолидации финансовых ресурсов. Впрочем, и после окончания Ганнибаловой войны законы против роскоши не теряют своей социальной актуальности. Негативные общественные тенденции, обусловленные в частности все возрастающим влиянием эллинистической культуры, вынуждают группу римских политиков во главе с Катонам Старшим вновь обратиться к практике ограничения роскоши.

Все вышеизложенное позволяет сделать некоторые общие выводы относительно концепции и подхода Квашнина. Работа выполнена на высоком научном уровне. Автор продемонстрировал хорошее знание источников и литературы, а также отменное владение научными методами, которые активно применяет при анализе исторических событий, определявших социальное развитие римского государства в рассматриваемый период времени. Он часто предлагает собственное видение той или иной исторической проблемы, вступая в полемику с другими представителями современной историографии (преимущественно зарубежной). Ценность данной работы заключается еще и в том, что в отечественной историографии за редкими исключениями данная проблематика практически не разрабатывается. Концепция развития сумптуарного законодательства, предлагаемая в рецензируемой книге, представляется хорошо продуманной и сбалансированной во всех отношениях. То же самое можно сказать о структуре монографии.

Работа не свободна и от некоторых недостатков. Так, порой излишне частые ссылки на мнение других специалистов несколько затрудняют восприятие концепции самого автора. При анализе «неизвестных» законов против роскоши Квашнин недостаточно четко определяет критерии, на основании которых все разбираемые им в рамках посвященной этим законам II главы мероприятия должны быть отнесены к числу *leges sumptuariae*. Постановка проблемы, предложенная в названии главы, требует, на мой взгляд, более детального теоретического обоснования.

Впрочем, данные недочеты не влияют на общую положительную оценку рецензируемой монографии. Работа Квашнина, вне всяких сомнений, является важным шагом на пути изучения сумптуарного законодательства в Риме периода классической Республики. И последнее. Как можно заметить, цикл монографий В.А. Квашнина представляет собой самостоятельные части единого исследования – они логически связаны друг с другом, поскольку в них рассматриваются такие проблемы, как генезис римских законов о роскоши, основные этапы их развития, проблема рецепции греческих правовых и идеологических моделей и т.д. В связи с этим хотелось бы пожелать автору свести вышедшие отдельными книгами работы в одну большую монографию, которая позволила бы более предметно и ясно увидеть авторскую концепцию возникновения и развития феномена римского законодательства о роскоши.

Литература

1. *Квашнин В.А.* 2006а: Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда.
2. *Квашнин В.А.* 2006б: Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н.э.). Вологда.
3. *Квашнин В.А.* 2009: Генезис сумптуарного законодательства в Древнем Риме. Вологда.
4. *Cardinali G.* 1965: *Studi graccani*. Roma.
5. *Crawford M.H.* 1996: *Roman Statutes*. I. L.
6. *Rossterer H.* 1976: *Herrschaft und Verwaltung im republikanischen Italien*. München.
7. *Roselaar S.T.* 2010: *Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus*, 396–89 BC. Oxf.

Р.В. Латырёнок,
кандидат исторических наук, докторант
кафедры истории древнего мира
Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского